

Дайки, поставив кружку на стол, холодно, но с интересом наблюдал за сценой, достойной того, чтобы снять её на телефон. Прошлой ночью он держал Мин Джуна в объятиях до самого рассвета, а затем, едва успев немного поспать, умыл его и отнёс в комнату Тома. Если бы Мин Джун попросил, Дайки готов был бы отложить завтрак на полчаса, но тот ничего не сказал, и Дайки не стал предлагать сам.

Теперь же Мин Джун, держа в руках ложку, так и не доносил её до рта, задремав прямо за столом. Дайки даже испытал нечто вроде удивления: как человек может так клевать носом? Но ещё больше его поразило то, что и Тома, словно заводная игрушка, сидел рядом и дремал, уткнувшись в свою ложку.

Сжав салфетку в плотный шарик, Дайки подождал, пока покачивающаяся голова Мин Джуна окажется прямо перед ним, и щёлкнул по ней импровизированным «снарядом». Удар оказался таким, что Мин Джун в первые секунды решил: его голову прострелила пуля. Зажав лоб, он протянул руку к Дайки:

— Угх... Дайки, кажется... пуля в голове... кто-то выстрелил...

— Не засыпай за едой, — спокойно ответил Дайки. — В следующий раз полетит настоящая пуля. Понял?

— Д-да! — торопливо выкрикнул Мин Джун, потирая краснеющий лоб и избегая взгляда Дайки.

Тома, услышав резкий голос Дайки, встрепенулся и поспешил отправлять ложку за ложкой в рот, едва понимая, куда именно попадает еда — в рот или в нос.

Позже, когда они собирались на прогулку, Мин Джун едва сдерживал раздражение, наблюдая, как Кэнта и остальные грузят в сумку целую гору еды и даже чайный сервиз, словно собираются переезжать. Ещё вечером он просил ограничиться парой роллов и закусками для Тома, но тщетно — Шоу с энтузиазмом приготовил суши, а Кэнта умудрился сложить в рюкзак полноценный набор для чаепития.

— Вы хоть холодильник туда не пытайтесь засунуть, — проворчал Мин Джун, глядя, как сумка раздувается до неприличных размеров.

— Босс никогда не пьёт воду вне дома, — невозмутимо заметил Кэнта.

— И что, думаете, кто-то подсыплет яд? — съязвил Мин Джун.

— Это уже бывало, — с каменным лицом ответил Кэнта.

Мин Джун только махнул рукой, решив, что спорить бесполезно.

Тем временем Тома сиял от счастья, примеряя «парный образ» вместе с Мин Джуном — одинаковые куртки с милыми коалами на плече и джинсы. Мин Джун тепло обнял мальчика, успокаивая его взволнованное сердцебиение:

— Всё хорошо, малыш. Это просто радость. Видишь? У меня тоже «тук-тук» в груди.

— Ух ты! Прямо «тук-тук-тук»! — радостно вскрикнул Тома, заставив Мин Джуна рассмеяться.

Идиллию разрушило лишь появление Хакуто и Ицуки в белоснежных костюмах, от которых веяло скорее криминальной хроникой, чем прогулкой в зоопарк. Мин Джун взорвался:

— Десять минут! Живо переодеться в джинсы и куртки! — крикнул он так, что оба мгновенно исчезли за дверью.

И вот, когда Мин Джун уже начал уставать от утренней суматохи, из комнаты вышел Дайки — впервые не в строгом костюме, а в лёгком повседневном стиле. Мин Джун, не сдержавшись, радостно захлопал в ладоши:

— Пойдём! Хакуто и Ицуки подтянутся прямо на парковку.

Дайки, окинув взглядом Мин Джуна и сияющего Тому, на секунду застыл, недоумевая:

— Что это?..

— Что — «это»? — невинно переспросил Мин Джун, искренне не понимая, что именно так удивило Дайки.

— Эти... куртки.

В его голосе смешались недоумение и лёгкая растерянность — перед глазами была парочка, одетая так, словно собралась не просто на прогулку, а на семейный фотосет.

Дайки, нахмурившись, указал на «коалу», сидевшую у них на плечах.

— А, это пуховик? — тут же отозвался Мин Джун. — Сейчас это очень модный товар, раскупают моментально. Это парные куртки — для ребёнка и родителя. Есть с пандой, львом, мышкой — чего только нет. А вот с леопардом, увы, не делают. Жаль, правда, Тома?

— Угу.

— Хотя мы всё равно можем носить только синие, так что даже если бы были, не купили бы. А что? Вам, может, коалы не нравятся?

От этой быстрой тирады у Дайки, похоже, заболела голова — он зажмурился, потом снова открыл глаза и, резко обрубив разговор, холодным тоном бросил:

— Держись от меня на пару шагов.

Сегодня их ждал не чёрный «Бенц», а самая обычная отечественная машина. Мин Джун пристегнул Тому в детском кресле, а когда Дайки собирался пройти к своей машине, схватил его за руку.

— Сегодня давайте поедem вместе. Всё-таки это же первая семейная прогулка.

Дайки без выражения посмотрел на смущённого Мин Джуна и спокойно убрал его руку.

— Тома и я не ездим в одной машине. И Тома это прекрасно знает.

Слова Дайки так больно задели Мин Джуна, что он будто почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Услышав, что «Тома тоже знает», он резко повернулся к сыну. Тот весело болтал ножками и радостно махал Дайки, который уже сел в другую машину. Никакого недовольства, никаких вопросов.

От этой естественной детской привычки к такому положению вещей у Мин Джуна сжалось сердце. Но он быстро мотнул головой — в такой день не хотелось тратить ни секунды на грусть.

Он поспешно уселся рядом с Томой.

— Тома, споём песенку?

— Песенку? И Тома будет петь?

— Конечно. Мама начнёт, а ты подпевай. Готов?

— Угу, Тома готов!

— «Маленькая акула, ту-ру-ру-ту-ру...»

— «Маленька акуа, ту-ру-ру-ту...»

Слушая, как Тома смешно коверкал слова, Мин Джун рассмеялся и запел следующий куплет.

— «Миленькая, ту-ру-ру-ту-ру...»

— «Миленка, ту-ру-ру-ту...»

— «В глубине морской, ту-ру-ру-ту-ру, маленькая акула!»

— «В глубин морской, ту-ру-ру-ту, маленька акуа. Весело!»

Чистый смех малыша и радостный хлопок ладошек заразили даже водителя Ицуки — он начал вполголоса насвистывать мотив, а где-то сзади тихо подпевал и Кэнта. Мин Джун сделал вид, что ничего не заметил. Так они, весело распевая песенку про акулу, добрались до зоопарка.

Знаменитый токийский зоопарк был переполнен даже в будний день. Видимо, всё из-за милых панд, которых здесь можно было увидеть. Уже наступала поздняя осень, но из-за толпы и общего оживления было тепло и шумно. Мин Джун с Томой радостно оживились, а вот лицо Дайки становилось всё мрачнее и жёстче. Остальные телохранители, кроме Ицуки, тоже были предельно собранны и не отвлекались ни на секунду.

Мин Джун, придерживая Тому, который норовил вырваться вперёд, подошёл к Дайки.

— Ты знаешь, что у тебя сейчас очень страшное лицо?

— И кто меня сюда притащил? — низким голосом проворчал Дайки, подхватывая сына.

Если бы Мин Джун увидел это выражение у него дома, то наверняка спрятался бы за Тому и даже не пикнул. Но сейчас, впервые выбравшись на прогулку вместе, он совсем не боялся. Гораздо больше раздражали взгляды женщин, которые украдкой посматривали на Дайки. Мин Джун даже придвинулся к нему поближе.

— Мы же договаривались — никакой мрачности. Давай просто отдыхать и получать удовольствие. Хотя... иногда посматривать по сторонам и хмуриться даже полезно — тут такие хищные взгляды, будто гиены кругом.

— Что ты несёшь? — нахмурился Дайки.

Мин Джун остановился и злобно посмотрел в ответ на женщин, которые украдкой разглядывали Дайки, при этом лёгким касанием коснувшись его руки.

— Мама, а мы увидим цыплёнка? — вмешался Тома.

— Цыплёнка можно встретить, когда станет теплее. А сейчас пойдём посмотреть панду. Помнишь, мама показывал тебе её вчера?

— А, медведь с чёрными глазками и ушками?

— Эм... просто панда...

Из уст Тома внезапно вырвалось что-то, похожее на загадочный пароль, и взгляд Дайки тут же уставился на Мин Джуну. Причём малыш сказал это... по-корейски. Накануне, когда Тома спросил, кто такие панды, Мин Джун в шутку ответил: «Это медведь с глазами, будто в синяках», а потом тут же спохватился и исправился. Но, судя по всему, именно первая фраза намертво отпечаталась в голове ребёнка.

Стараясь не встречаться взглядом с Дайки, Мин Джун неловко теребил край куртки Тома. Дайки только сухо бросил: «Поговорим дома», — и, подхватив взволнованного малыша, который жаждал скорее увидеть панд, прижал его к себе. Лишь убедившись, что Дайки не собирается устраивать разборок прямо сейчас, Мин Джун облегчённо выдохнул и, повернувшись к Томе, предупредил:

— Тома, никуда один не уходи.

— Хорошо.

— Слушайся только папу, маму, Ицуки или Хакуро...

— И Кэнту. Больше никого!

— Верно. Ни за кем другим не ходи.

— Угу. Но я хочу сам идти!

Мальчик забавно нахмурил бровки, давая понять, что хочет спуститься с рук Дайки.

— Уверен, что сможешь идти сам? — спросил Дайки, глядя на сына с тревогой.

— Конечно, я уже не малыш! — важно заявил Тома.

— Тогда только не беги вперёд, ладно? — добавил Мин Джун, боясь, что малыш, увлечшись, может споткнуться или потеряться в толпе.

Дайки всё же поставил сына на землю, но крепко сжал его крошечную ладошку. Мин Джун, наблюдая, как они идут рядом, вдруг ощутил странное щемящее тепло — видеть Дайки с Томой вне дома казалось чудом. Он шмыгнул носом, а рядом раздалось громкое «сморканье» — это Ицуки, с трудом сдерживая слёзы, вытирал глаза.

— Хватит, люди же смотрят, — тихо пожурил его Мин Джун.

— Просто... я так счастлив... — всхлипнул Ицуки. — Я ведь очень чувствительный человек.

— Чувствительный якудза — это, конечно, что-то новенькое, — вздохнул Мин Джун. — Честно, вы все меня путаете. Только с Дайки и Томой всё ясно.

Тем временем Тома снова заговорил о «медведе с синяками», и Ицуки прыснул от смеха. Мин Джун бросил на него возмущённый взгляд и поспешил к сыну:

— Тома, это не «медведь с синяками», это панда. Панда!

— Эй, — пробурчал Дайки, — ты что, специально ребёнку ерунду в голову вбиваешь?

— Да не злись, — примирительно поднял руки Мин Джун. — Оно само вырвалось. К тому же, признай: у панд и правда чёрные глаза.

Чтобы перевести разговор в шутку, он подхватил Тому на руки и стал кружить его, пока они ждали в очереди. Дайки, величественный и холодный, стоял рядом, и от этого у Мин Джуна всё время сбивалось дыхание. Когда Дайки вдруг тихо спросил: «Я что, тебя пугаю?» — Мин Джун набрался смелости и честно признался:

— Нет. Просто... ты слишком... красивый.

Дайки молча посмотрел на него так пристально, что у Мин Джуна перехватило дыхание.

Очередь постепенно двигалась, и, когда Мин Джун, опустив взгляд, шёл вперёд, кто-то налетел на него, сбив с ног. Инстинктивно прижав к себе Тому, он уже готов был упасть, но крепкие руки Дайки подхватили обоих. Мужчина рывком прижал их к себе и холодно рявкнул на виновника:

— Смотри, куда идёшь.

Перепуганный парень только кивал и тут же исчез в толпе.

— Тома, ты не ушибся? — спросил Мин Джун.

— Нет! Папа ведь меня спас, — с восторгом отозвался малыш. — Папа — сильный тигр!

От этих слов лицо Дайки на миг смягчилось, но он ничего не сказал.

Когда они наконец добрались до вольера, Тома замер, заворожённо глядя на огромную панду, сидевшую на дереве и лениво жуящую бамбук. Мальчик прикрыл ладошкой один глаз и с изумлением спросил:

— У панды нет глаза?

— Есть, конечно. Просто смотри внимательнее, — улыбнулся Мин Джун.

Дайки поднял сына на руки и тихо сказал:

— Видишь, у неё есть глаза.

— Угу! — засиял Тома и, обняв отца за шею, радостно позвал: — Мама, смотри, у панды глаза как драгоценности!

Они долго наблюдали за животным, пока Тома, в своей детской болтовне, вдруг не вспомнил, как прошлым летом его укусил комар. Мин Джун удивлённо выспрашивал подробности, а Дайки сердито велел приберечь такие разговоры для дома.

Позже, когда они подошли к вольеру с леопардом, грозный рык напугал Тому до слёз. Ицуки,

не раздумывая, выхватил оружие, но его успели остановить Кэнта и Хакуро. Мин Джун, едва успокаивая перепуганного малыша, обрушился на него:

— Вы с ума сошли?! Кто вас с оружием сюда пустил?!

— Простите... Я просто не выношу, когда он плачет, — растерянно пробормотал Ицуки.

— Ещё раз так — и я сам сойду с ума!

Убедившись, что сын успокоился, Мин Джун покинул вольер, решив, что на сегодня с хищниками им хватит приключений.

Мин Джун собирался увести Тому, но тот, побледневший как полотно и плачущий, не хотел отходить от клетки с леопардом. Мальчик прижался к Мин Джуну и, дрожа, просил подойти к зверю, указывая на него рукой.

— Папа... и тогата, — сквозь слёзы пробормотал Тома, попеременно показывая на лапы леопарда и на ноги Дайки.

От этого зрелища Мин Джун чуть не умер от умиления. Он прижал Тому к себе и несколько раз поцеловал его в щёку. Дайки тоже, видно, растаял от детской искренности — вытер слёзы сыну и прижал его к груди.

— Дайки, я сфотографирую вас! — воскликнул Мин Джун. — Только подтяни штаны повыше. С леопардом рядом фото получится просто шикарное.

Если бы рядом оказался дротик, то на этот раз он вряд ли пролетел бы мимо и только задел волосы Мин Джуна. Дайки посмотрел на него таким взглядом, что Мин Джун икнул и поспешил отвернуться.

Тома всегда плакал при виде хищников, но, несмотря на слёзы, не отходил от клеток и даже пытался их поприветствовать. У клетки со змеями он и вовсе попытался свернуться калачиком и лечь на пол, пока Дайки не подхватил его на руки. Взгляд Дайки снова стал как острый дротик, но Мин Джун сделал вид, что ничего не замечает, и продолжал умиляться сыну. Тома, обнимая отца за шею и продолжая корчить змеиные движения, вызвал улыбки у проходящих мимо людей.

После посещения террариума наступило время обеда. Хотя стояла поздняя осень, погода выдалась хорошая, и к полудню потеплело. Но есть на улице с Томой было неудобно. Внутри зоопаркового кафе всё было забито людьми, и Мин Джун уже подумывал, что делать, когда позвонил Хакуто.

— Алло? Да, босс, это Ицуки, — сказал он в трубку, потом поднял глаза на Дайки. Мин Джун только тогда понял, что самого Ицуки нигде не видно.

— Понял. Спасибо за старания, — сказал Хакуто и, попрощавшись, убрал телефон. — Он сказал, что забронировал нам места вон там.

Мин Джун посмотрел в указанную сторону и увидел в глубине зала уютный уголок, где, заняв столик, можно было сидеть как в отдельной комнате.

— Серьёзно? Это же самые востребованные места, — удивился Мин Джун, посмотрев на Хакуто.

— Ицуки в таких делах всегда первый, — с гордостью ответил тот и протянул руку за сумкой Кэнты. — Давайте я понесу.

— Нет, я сам, — упрямо ответил Кэнта.

— Как скажете.

Мин Джун только покачал головой, глядя на решительное лицо Кэнты, будто тот нёс что-то ценное, и пошёл следом за Хакуто.

Когда они подошли к залу, Мин Джун остолбенел. Там, у стола, их встречал улыбающийся Ицуки. А вокруг — десяток крепких мужчин в чёрном, которые при виде Дайки синхронно встали и склонили головы в знак уважения.

Мин Джун, с отвисшей челюстью, даже не смог ничего сказать. Тома же, заметив его открытый рот, засунул туда палец и хихикнул.

— Я приказал, чтобы ребята сразу заняли столик, как только открылись двери, — гордо сообщил Ицуки и кивнул в сторону мужчин. — Всё, можете идти.

Мин Джун зло уставился на него:

— Я же просил! Просил же не светить, что вы якудза!

— Но, Мин Джун-ним, обычные люди тоже носят костюмы. Ну что вы, садитесь уже, — невозмутимо ответил Ицуки.

— Дайки, скажи ему хоть что-нибудь! — взмолился Мин Джун.

— Садись. Ицуки, молодец, — коротко сказал Дайки.

— Вот! Видите?! Только я один тут ненормальный! — возмутился Мин Джун, но всё же с неохотой сел с Томой за стол.

Через несколько минут Кэнта повёл мальчика мыть руки, а за ними встали Хакуто и Ицуки. Похоже, для всех Тома был приоритетом.

— Убери губу, — тихо сказал Дайки.

— Ты всегда Ицуки хвалишь, — буркнул Мин Джун.

— Что за чушь? — удивился Дайки.

— А что, нет? Вот только что ты ему спасибо сказал.

— Он же старался. Занять стол с рассвета — это непросто.

— Ну да... но они же пришли в костюмах, как будто кричат: "Мы якудза!"

— Они и есть якудза. Думаешь, ты сможешь это изменить за один день? Для них костюм удобнее обычной одежды.

Мин Джун замолчал. Слова Дайки ударили в самое сердце. Да, Дайки сейчас выглядел иначе, но он всегда был и остаётся якудза. Мин Джун впервые ясно осознал: он не знает Дайки вне

этого мира и, возможно, никогда не узнает. Просить его притворяться кем-то другим было глупо с самого начала.

Мин Джун посмотрел на спокойное лицо Дайки и тихо сказал:

— Прости.

На лице Дайки промелькнуло лёгкое удивление. Он приподнял брови и посмотрел на Мин Джуна:

— Что это с тобой?

— В смысле? Я же искренне извинился.

— А я спрашиваю — за что? Когда ты вот так вдруг становишься паинькой, мне даже тревожно становится.

— Несправедливо! Даже за извинение достаётся, — надувшись, пробормотал Мин Джун.

Искренние слова Мин Джуна явно смутили Дайки. Услышав холодное «не делай так», он вдруг ощутил обиду. Да, он иногда вел себя легкомысленно, но ведь в этот раз он просто хотел извиниться. Разве он и правда настолько непредсказуем, чтобы даже извинения вызывали тревогу? Глаза его увлажнились.

Дайки, заметив это, поднял его лицо ладонью. Взгляд у него был горячий, обжигающий, совсем не похожий на холодное выражение лица. Лишь одними глазами он заставлял Мин Джуна хотеть отдать ему себя целиком. Когда именно он успел занять почти всё его сердце?

Под этим пронизывающим взглядом Мин Джун не выдержал и схватил его за запястье:

— Пожалуйста, отпустите. Люди смотрят.

— И что с того? Ещё недавно ты сам прилип ко мне, потому что тебя раздражали взгляды девушек.

Лицо Мин Джуна тут же вспыхнуло, как спелый помидор. Он не ожидал, что Дайки заметил его ревность.

— И ещё что-то себе под нос бормотал, — добавил тот.

— Ух... — вырвался у Мин Джуна невольный звук.

Он вспомнил, как по-корейски шептал злые слова, глядя на девушек: «Глаза бы выцарапать», «Слюни подбери». А хуже всего было то, что он шёпотом, но явно добавил: «Хоть вы и смотрите, Дайки — мой. Мы недавно... ну, вы поняли. Так что завидуйте тихо».

— Почему у тебя лицо ещё краснее стало? — тихо спросил Дайки.

— Н-не знаю... наверное, жарко... — заикаясь, замахал рукой Мин Джун, пытаясь охладиться.

Дайки, с лёгкой улыбкой, медленно приблизился.

— Зачем... вы подходите... так нельзя... — пробормотал Мин Джун и, не соображая, что вокруг люди, закрыл глаза.

— Папа, у Тома руки липкие! — вдруг закричал мальчик.

В следующую секунду Мин Джун вскрикнул от боли — лбом он ударился о лоб Дайки так сильно, что в глазах вспыхнули искры.

— У него что, голова каменная? — удивился Дайки, потирая лоб.

Кэнта и остальные кинулись к ним, но все больше переживали за Дайки, чем за Мин Джуна. Тот надувшись уже собирался обидеться, но стоило Дайки заботливо коснуться его покрасневшего лба, как обида растаяла.

— Не болит?

— Да ну, у меня же каменная башка, — буркнул Мин Джун.

— Не дуйся, взрослый человек, — мягко сказал Дайки.

— Камни не обижаются, — пробормотал он, пряча смущённую улыбку.

Тома забрался к нему на колени и тихо сказал:

— Мама, Тома волновался. Но ты не умер, хорошо.

От этих слов Мин Джун засмеялся и ещё крепче прижал сына.

После суматохи все разложили коробки с бенто. Сё постарался на славу: там были и суши, и рисовые шарики в форме цыплят, и креветки в темпуре. Даже Дайки признал: «Чересчур постарался», — но съел всё до крошки. Мин Джун же с таким же азартом кормил Тому и сам уплетал вкусности.

Они обошли зоопарк до вечера. Уставший, но счастливый Тома надел ободок с кроличьими ушами, а Мин Джун — с ушками леопарда. Дайки, только отвернувшись на секунду, тут же передал свой ободок Кэнте со словами: «Сожги это».

Дорога домой прошла в тёплой тишине: Тома, усталый, задремал на плече у Мин Джуна, а тот машинально гладил сына по голове, улыбаясь. Он думал о том, что Дайки сегодня был идеальным отцом. И от этого сердце замирало от счастья и лёгкого волнения — день ещё не закончился.

Когда они приехали, Мин Джун, не до конца проснувшись, пробормотал что-то двусмысленное, заставив Кэнта удивлённо посмотреть на него. А в доме, пока Кэнта укладывал Тому спать, Дайки переоделся в строгий костюм и, вернувшись, тихо сказал:

— Прости. День ещё не закончился, но мне нужно отлучиться.

— Ты же не любишь оставаться в долгу, — с лёгкой улыбкой ответил Мин Джун. — Так что, когда вернёшься, отдашь мне всё это время без остатка.

Уголки губ Дайки чуть приподнялись в искривлённой усмешке.

— Не пойму, ты трусливый или безбашенный. Так пользоваться мной ещё никто не додумался. Ладно, держи своё слово и возвращайся.

— Куда вы? — Мин Джуна разрывало от любопытства, и он, не выдержав, всё-таки задал этот

вопрос вслух.

— В Осаку. Появились дела, которые нужно решить. Присмотри за Томой.

Сердце Мин Джуна болезненно ухнуло вниз при слове «Осака». Там, в Осаке, находились люди из группировки Соуске, которые убили биологическую мать Тома. Он изо всех сил пытался скрыть страх и волнение, чтобы Дайки не догадался, что он в курсе.

— Почему? Хочешь, чтобы я передал привет Таичи?

— Пусть катится к чёрту.

— Правда? Кажется, ты называл его своим «типом».

— Ч-что вы несёте? Я такого никогда не говорил! — Мин Джун отвернулся, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Мысли его были заняты только одним: к кому едет Дайки? Не придётся ли ему ввязаться в опасную разборку с Соуске?

Две сильные ладони сомкнулись на его лице, заставляя посмотреть в глаза.

— Почему плачешь?

— Я... я не плачу.

— Врёшь. Глаза полны слёз. Только не говори, что злишься, потому что до ночи не сможешь снова меня «погонять», — голос Дайки был насмешливым, но мягким.

Щёки Мин Джуна вспыхнули, словно угли.

— Совсем не поэтому! — возмутился он.

Дайки тихо фыркнул и уже хотел убрать руки, но Мин Джун вдруг поймал их.

— Когда вы вернётесь? С вами ведь всё будет в порядке?

Глубокий пристальный взгляд будто пытался прочитать его мысли. В другое время Мин Джун бы испугался и отвёл глаза, но не сейчас. Он смотрел прямо, не моргая.

— Вернусь примерно послезавтра. Проблемы есть, но опасности никакой. Так что перестань делать такое лицо, — уверенно произнёс Дайки.

Слова Дайки прозвучали так спокойно, что тревога Мин Джуна немного отступила. Он облегчённо вздохнул и слабо улыбнулся. Дайки, заметив эту улыбку, вдруг резко притянул его лицо к себе и поцеловал. Поцелуй был жёстким, без остатка сдержанности, словно он пытался забрать с собой дыхание Мин Джуна. Тот, охваченный вихрем чувств, обвил его шею руками и ответил с такой же отчаянной жадностью.

— Я вернусь, — хрипло сказал Дайки и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Мин Джун бессильно осел на кровать, прикасаясь к обожжённым губам. Казалось, на них всё ещё ощущается его тепло.

Позже Мин Джун сидел на полу и бездумно наблюдал, как Тома играет с кубиками. Мальчик тащил все кубики подряд, строил из них высокую стену, а потом начал выстраивать маленький квадрат, похожий на клетку. Закончив, он залез внутрь, свернулся калачиком, потом выбрался и построил «клетку» побольше. Смотрел на результат серьёзно, потом вдруг что-то передумал, разобрал одну стенку и сделал «дверь».

Обрадовавшись, что получилось как задумал, Тома подбежал к Мин Джуну и, сияя от радости, прижался к нему.

— Тома, а что ты построил?

— Дом.

— Дом?

— Ага. Но не Томин. Это дом для Кобури и для всех зверят.

— Понятно... А почему ты стенку убрал? Так зверята же убегут.

— Зверьям тоже на улицу охота. Они мне сказали. На улицу хотят. Вот так.

— Ах...

Мин Джун закрыл рот рукой, прикусывая губы, чтобы сдержать нахлынувшие слёзы. Маленький Тома, который, глядя на животных в клетке, решил, что им нужна свобода... От этой чистой мысли сердце Мин Джуну переполнилось нежностью.

— Кэнта! — позвал он дрожащим голосом. — Кэнта, иди сюда!

Кэнта ворвался в комнату в три прыжка, как всегда быстрый и уверенный.

— Что случилось?

— Кэнта, у нас растёт будущий автор бестселлеров. Посмотрите на это чудо! — Мин Джун, держа Тому на руках, встал на колени и подвёл его к «клетке» в форме буквы «□».

— Представляете, Тома выстроил из кубиков вот это, — сказал Мин Джун, глядя на Кэнту и моргая. — Я спросил его, что это такое. А он говорит: «Это домик для зверюшек». Я ему: «Но если в стене есть дыра, звери же все убегут», а он знает, что сказал? Что звери тоже хотят выходить из дома. Как он только до такого додумался... У нашего Тома ведь особая чувствительность, так что, прошу вас, воспитывайте его как будущего литературного гения, а не учите какой-нибудь странной истории.

Глаза Кэнты сверкнули так, словно он хотел сказать: «Если бы не Тома, я бы ему показал», — и, проводив ладонью взъерошенную челку, он сухо ответил:

— Я подумаю об этом. И ещё... Сё-сан жарит батат в саду. Пойдёте?

— Батат? Конечно, идём! Тома, пойдём оденемся и выйдем, будем есть сладкий батат!

— Угу! Батааат! Вкусный батат!

— Тогда марш в гардероб! — Мин Джун подхватил мальчика на руки, как самолётчик, издавая «вжжж»-звуки, и унёсся в сторону комнаты с одеждой.

Кэнта только тогда достал телефон и прочитал новое сообщение:

[Переговоры сорвались. Босс пытается снова.]

Сообщение пришло от Хакуто, который был в Осаке. Это означало, что возвращение Дайки и остальных откладывается на неопределённый срок. Мысль о том, как Мин Джун весь день выглядел то подавленным, то, наоборот, смеялся с Томой до слёз, словно на качелях, вызывала в Кэнте глухое беспокойство. Он тяжело вздохнул.

Холодная погода не помешала устроить что-то вроде барбекю — Сё, заботясь о Мин Джуне, решил разжечь костёр, запечь сладкий батат и поджарить немного мяса. Мин Джун, который почти не ел весь день, и Тома, терявший аппетит, когда рядом не было Дайки, должны были хоть немного подкрепиться.

— Мама, горячо! — всхлипывал Тома, подпрыгивая на месте.

— Вот, я же говорил, не трогай, пока я не остужу... Ай, горячо! — Мин Джун подхватил батат из детских ладошек, но сам, едва коснувшись, заскакал на месте, перекатывая обжигающий клубень из руки в руку.

Не выдержав, Кэнта молча забрал батат и положил его на стол.

— Может, вам обоим лучше просто сесть? — буркнул он.

— Пусть веселятся, — отозвался Сё, переворачивая мясо на гриле.

— Вы серьёзно?! — вскинулся Мин Джун. — Пока мы тут обжигаемся, вы просто будете смотреть?!

— Ай-ай, да шучу я, — рассмеялся Сё. — Наша миледи рассердилась.

— Я не миледи! Я взрослый мужчина, между прочим! Хотите доказательства?

— Не надо, — отмахнулся Сё. — А то босс меня прикончит.

Мин Джун покраснел и резко отвернулся. В этот момент он заметил, что Тома стягивает с себя штаны, а следом и бельё.

— Тома! — Мин Джун подбежал и поспешно натянул одежду обратно. — Ты что творишь? Тебе в туалет?

— Тома тоже мальчик. У Тома есть писюн! — гордо заявил малыш.

— Конечно, есть, — растерянно кивнул Мин Джун. — Но это не значит, что надо всем показывать. Особенно вот этим дядям, а уж перед Сё-саном — ни в коем случае.

— Эй! — возмутился Сё. — Я, между прочим, его крёстный отец!

— Мне всё равно, — отрезал Мин Джун.

— Пойдите, — Сё прищурился. — Получается, Тома знает, что вы мужчина. Тогда почему зовёт вас «мама»?

Мин Джун замер.

— И правда, — пробормотал он, растерянно глядя на мальчика. — Тома, а почему я для тебя мама?

Тома задумался, потом решительно протянул руку:

— Кэнта, дай телефон.

— Ваш в комнате, принести?

— Нет, твой.

Кэнта молча достал смартфон, разблокировал его и протянул. Малыш открыл галерею и начал листать фото. Взрослые невольно столпились вокруг. И вот — победный возглас:

— Вот! Вот он! Смотрите!

На экране была фотография Мин Джуна в девичьей униформе — с осеннего школьного фестиваля, где он раздавал флаеры у входа.

— Кэнта-сан! — глаза Мин Джуна округлились. — Вы что, сталкер?!

— Что вы такое говорите?! — впервые лицо Кэнты исказилось от возмущения. — Это сделал не я. Видимо, Тома баловался телефоном, когда мы стояли в пробке.

— Тома сфотал! — радостно прокричал мальчик, кружась по саду.

Мин Джун вдруг понял, что именно с того момента малыш стал называть его «мамой». И от этого в груди защемило. Он подхватил Тому и крепко прижал к себе.

— Тома... Мама тебя очень любит.

— И Тома тоже, до неба и до земли! И папу тоже любит!

Слово «папа» болезненно отозвалось в сердце Мин Джуна. Он опустился прямо на траву и заплакал, не в силах остановить слёзы.

Когда Тома заснул, Мин Джун тихо погладил его по щеке и вышел в коридор. Его сердце колотилось — он ждал вестей от Дайки. И тут, словно по сигналу, появился Кэнта.

— Что-то случилось? — голос дрожал.

— Нет. Просто босс задерживается и вернётся только завтра вечером.

— Он... он не ранен? Скажите честно.

— С ним всё в порядке, — спокойно ответил Кэнта.

Но через пару секунд он снова повернулся к Мин Джуну:

— Если хотите вернуться... я поговорю с боссом.

— Вернуться? — лицо Мин Джуна побледнело. — О чём вы вообще?

— Вы не выдержите такой жизни. Возвращайтесь к своей прежней.

Мин Джун вспыхнул от гнева. Руки сжались в кулаки, взгляд стал острым, как нож.

— Вы не находите, что это слишком самоуверенно? Сначала вы насильно приволокли меня сюда и сделали мамой Тома, а теперь предлагаете просто взять и уйти? Разве человеческие чувства так легко отрезать, как кусок ириса? Тома такой милый... Может, привезти меня сюда было вашим решением, но вот уйти я просто так не смогу. По крайней мере, пока сам не решу, что хочу этого. А забота о них — это моя обязанность. Я понимаю, Кэнта-сан, что вы сказали это из добрых побуждений, так что считайте, что я этого разговора не слыша».

— Извините. Я перегнул палку.

Кэнта, который привык видеть Мин Джуну либо вечно испуганным, либо шутливым, теперь не мог отвести взгляда от его серьезного, напряженного лица. Он сразу понял, что тот говорит не ложь. Осознав, что допустил большую ошибку, Кэнта почтительно извинился. Мин Джун так и остался стоять, прислонившись к дверному косяку, а Кэнта с тяжелым сердцем развернулся и ушел.

Когда тот скрылся из виду, Мин Джун, сдерживая подступающие слёзы, долго и мрачно смотрел на пол в коридоре. Если сейчас вернуться в комнату и увидеть лицо Тома, слёзы точно хлынут ручьём. Родители всегда ругали его за излишнюю чувствительность — мол, «что за мужчина, который так часто плачет». Но сегодня Мин Джун был зол на самого себя за то, что не мог сдержаться.

Одно лишь «Кэнта предложил уехать» заставило его ощутить такую удушающую тоску, словно он был рыбиной, которую вынесли из воды на сушу. Да, когда-нибудь придётся расстаться с Томой, но думать об этом он собирался лишь тогда, когда этот момент настанет. Мин Джун резко тряхнул головой и грубо вытер выступившие слёзы тыльной стороной ладони.

Войдя в комнату, он услышал ровное дыхание спящего Тома — и это немного успокоило его разбушевавшиеся чувства. Мин Джун не лег сразу на кровать, а сел рядом, на стул, просто глядя на малыша. В этот момент на прикроватной тумбочке мигнул экран телефона Тома.

— Кто это в такое время... — пробормотал он, беря телефон в руку.

На экране высветилось: «Папа-рырр». Мин Джун машинально взглянул на спящего Тома. Разбудить? Но уже давно перевалило за девять вечера. Он знал, что Дайки вряд ли стал бы звонить в такое время, прекрасно понимая режим сына. Проглотив комок в горле, Мин Джун нажал кнопку приёма.

— Алло.

— Что так долго не брал трубку? — раздражённый голос Дайки донёсся из динамика.

И вдруг весь тот чёрный ком, который давил на сердце Мин Джуну с момента отъезда Дайки, будто растворился без следа.

— Телефон был в беззвучном режиме.

— Но экран-то мигала, верно?

— Вы позвонили только для того, чтобы поссориться?

— Что?

— Тома уже спит.

— Я знаю.

— Тогда... зачем вы позвонили?

Мин Джун понимал, что, возможно, эти слова разозлят Дайки и тот сбросит звонок. Но он не мог не спросить. Несколько секунд в трубке стояла тишина, а затем прозвучал низкий голос, в котором всегда слышалась особая сила:

— Чем ты занимался?

— Думал, как бы вернуть вам долг, — язвительно ответил Мин Джун.

И вдруг послышался тихий смех Дайки. По коже Мин Джуну прошла волна мурашек от этого звука.

— Упрямый ты. Значит, хочешь, чтобы я просто провёл с тобой столько времени, сколько ты должен?

— А если попрошу больше?

— Кто знает... Завтра я вернусь, тогда и посмотрим.

— Подождите! — Мин Джун испугался, что он сейчас сбросит вызов, и окликнул, даже не зная, что ещё сказать.

— Что?

— ...Очень скучаю по вам... Тома просил передать— выдохнул он, чувствуя, как сердце бешено колотится.

Он был готов даже к тому, что Дайки просто молча положит трубку — и уже за это был бы благодарен.

— Я тоже скучаю, — наконец ответил тот. — Передай это Томе.

А затем в трубке воцарилась тишина. Дайки отключился. Мин Джун замер всего на пару секунд, а потом, не сдержавшись, запрыгнул на кровать, прижимая телефон к груди, и начал кататься по постели.

«Он сказал, что скучает... Томе, но это ведь точно и про меня! Он скучает... Дайки, возвращайтесь скорее!»

— Мама... что с тобой?.. — пробормотал проснувшийся от шороха Тома.

— Прости, разбудил тебя? Давай снова спать. Завтра уже наступит новый день, а значит, папа приедет. Ты ведь тоже скучаешь? Мама тоже скучает, очень-очень.

Убаюкав снова уснувшего мальчика, Мин Джун, всё ещё переполненный счастьем, сам наконец задремал.

Переговоры были трудными. Когда речь заходила о делах, связанных с кланом Соуске или проблемах с ним, Шинпей предпочитал, чтобы Дайки лично не вмешивался. Он считал себя стариком, отошедшим от дел, и отправлял вместо себя Таичи. Но в этот раз сам глава Соуске явился на встречу, и Камияме пришлось подстроиться.

Клан Соуске был той самой организацией, к которой принадлежал убийца Миу, биологической матери Томы, три года назад. Там утверждали, что это был одиночный поступок изгнанного ранее капитана, но в Камияме этому не поверили. Однако и у них не было объяснения, зачем близкий к семье Соуске человек пошёл бы на такой шаг. Лишь благодаря тому, что Таичи буквально встал грудью перед Дайки, не позволив ему застрелить пойманного на месте преступника мерзавца, не случилось новой крови.

После того случая Дайки заперся от всех, отдал Тому в основной дом и перестал показываться на людях.

Сейчас, подняв взгляд к небу, он увидел, как усилившийся дождь стучит по крыше. Стрелка часов показывала начало девятого. Из Осаки до Токио — больше шести часов пути на машине. Даже если выехать прямо сейчас, вернуться сегодня, как обещал Мин Джуну, не получится. Но Дайки без колебаний направился к машине.

— Босс, вернёмся в отель? — спокойно спросил Рен, сопровождавший его.

— Домой.

— В Токио?

— А что? Если тяжело вести — я сяду за руль.

— Н-нет, всё в порядке. Немедленно выезжаем.

Рен и спрашивать не стал, почему босс так рвётся домой — ответ был очевиден. Видеть Дайки в таком состоянии ему ещё не приходилось.

В машине Дайки невольно думал о Мин Джуне. Обычно в таких ситуациях он сосредотачивался, обдумывал каждую деталь. Иногда мысли о Томе вызывали болезненный спазм в груди, и тогда он насильно отгонял их, уходил в холодную отстранённость. Но теперь всё было иначе: только подумав о Мин Джуне, он чувствовал, как хочется вернуться домой хоть на минуту раньше. Он даже чуть не приказал разворачивать машину в сторону аэропорта.

Что это за чувство? Это не любовь. Скорее... желание. Желание, которое он не собирался отрицать.

Дайки понимал: он не собирается делить свою жизнь с кем-то ещё. Тома и без того получил «маму» — удобного и для него, и для мальчика Мин Джуну. И всё же сердце его kloкотало, как вода в кипящем чайнике. Он снова взглянул на часы: до Токио оставалось ещё четыре долгих часа пути.

Даже ровное дыхание Томы не помогало Мин Джуну успокоиться. За окном сверкнула молния, и вскоре прогремел глухой гром. В ночном небе огненная плеть молний рассекала темноту.

Мин Джун перевёл взгляд на самодельных кукол, висящих на окне. Вместе с Томой они больше

двух часов мастерили их, даже Кэнту силком привлекли к делу, и развесили их по всей комнате, надеясь, что дождь прекратится. Но желания не сбылись.

Часы уже показывали, что обещанный день встречи прошёл, а от Дайки не было вестей.

«Что за якудза такой, если обещание не держит? Я же тут с ума схожу... Такой ливень, а он в дороге... Что, если что-то случится?»

Когда он только повесил кукол на окно, Кэнта получил короткое сообщение: «Еду в Токио». Эти слова наполнили сердце Мин Джуна радостью и надеждой. Но вскоре всё вернулось на круги своя — ливень с громом и молниями разрывал ночное небо, и Мин Джуна чуть ли не трясло от тревоги.

Он прижался лбом к холодному стеклу, глядя на улицу, затопленную потоками воды. И вдруг заметил свет. Сначала подумал, что это молния, но свет был иной — не исчезал мгновенно и шёл снизу, а не с небес. Мин Джун прижал ладонь к стеклу, пытаясь разглядеть.

На подъездной дорожке появилась машина. Машина Дайки. Он вернулся.

Сердце Мин Джуна колотилось так сильно, что даже живот начинал болеть. Боль была такой, что он непроизвольно прижал ладонь к животу и не мог полностью разогнуться, но на лице всё равно расцветала улыбка, смешанная со слезами. Он поспешно забрался в кровать рядом с Томой. Ему не хотелось, чтобы кто-то догадался, что он не сомкнул глаз и ждал Дайки до двух часов ночи. Главное, что он вернулся живой и невредимый — этого было достаточно.

Но уснуть так и не получилось. Мин Джун понимал, что вот-вот услышит, как Дайки пройдёт мимо их комнаты и уйдёт в свою, и хотя бы мельком увидеть его спину было необходимо, иначе он просто не смог бы успокоиться. Три дня он не видел Дайки. Всё это время, когда Тома засыпал, Мин Джун иногда приоткрывал дверь в его комнату, но так и не решался войти.

Он собирался притвориться спящим, но, как только дверь распахнулась, тело среагировало быстрее разума — и Мин Джун рывком сел на кровати.

<http://bllate.org/book/12398/1105535>